

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЯТАЯ

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД

ТОЛСТОЙ В ТУРЦИИ

Автор очерка новейшей османской литературы, О. Хахтман¹⁾, посвятил специальный этюд обзору культурных европейских влияний в Турции (*Europäische Kultureinflüsse in der Türkei. Ein literärgeschichtlicher Versuch*. Berlin. 1918). Вопрос этот для немцев в 1918 году представлял большое практическое значение; констатируя захват французами позиций на культурном фронте²⁾, ориенталисты Губ. Гrimme и Г. Кампфмайер (сопроводившие брошюру, первый — предисловием, второй — послесловием-дополнением) настаивали на необходимости усиления переводов с немецкого языка, для того, чтобы закреплена была, после войны, германо-турецкая дружба. Этюд Хахтмана, подготавливающий переводы, которые знакомят османцев со всемирной (античной, западно-европейской и славянской) литературой, несомненно, глубоко поучителен и вносит новые штрихи в историю международного взаимодействия и общения. Хахтман использовал указания, печатные и устные (друзей-османцев), и даже каталоги (но только Харрассовица, а почему-то не восточных, константинопольских фирм), но пробелы были, конечно, неизбежны: пропущены, напр., книги о литературах: греческой, итальянской — М. Рауфа; образцы итальянской литературы — Али Фахри; очерки французской и немецкой литературы — А. Хикмета, печатавшиеся в „Университетских лекциях“ (изд. 1911 г.); отдельные писатели, как, напр., Жорж Санд, романы которой переводила дочь султана Абдул Меджиды (1839 — 1861), Фатима; романы эти были напечатаны, и султан раздавал их в подарок³⁾; Э. Ростан, Пьер Луис, Сервантес, Диккенс („Копперфильдский священник“), и др.; история Турции — ориенталиста И. Гаммера (с французского); немцу приятно было бы видеть в перечне имена Уланда, Гейне (Хахтману известны только переводы на персидский язык), слышать, что „Разбойники“ Шиллера когда-то (в 70-х годах прошлого века) ставились на сцене театра в Гедик-паше⁴⁾, и т. д., и т. д. Словом, дополнения, и за время до 1918 года, могли бы быть значительны, — напр., редкий номер иллюстрированного журнала „Малюмат“ (изд. М. Тахира) обходился без какого-нибудь, хотя бы небольшого, перевода или очерка по иностранной (западно-европейской) литературе. Здесь я хочу только отметить интерес османского общества к России и к русской лите-

1) См. „Восток“, книга 4, стр. 202 — 203.

2) Накануне младотурецкой революции, когда молодежь страстно рвалась за границу, во Францию, *Ариф Неджм-Эл-дин* составил справочник о высших школах в Париже („Паристе тахсилъ“. Каир. 1322 г. хиджры).

3) *M. Чайковский* (Садык-паша). Турецкие анекдоты. М. 1883, стр. 61 — 62.

4) *Murat Efendi. Türkische Skizzen*. Leipzig, 1877. Band I, стр. 100 — 107.

ратуре, но не буду, разумеется, повторять то, что сказано было уже мной в „Очерках по новой османской литературе“ (М. 1912, стр. 70 — 73, также стр. 145). На исчерпывающую полноту, ни в отношении к довоенному времени, ни, тем более, начиная с 1914 года, когда следить за книжным рынком или печатью османской, находясь в Москве, стало трудно, а то и почти что невозможно, — я, конечно, не предтенду.

Как плохо знали Россию в конце XIX века, — иллюстрирует перевод (в журнале „Малюмат“, т. VI) из Вольтера о России начала XVIII века, сделанный учителем французского языка в Трапезунде Сабихом; как будто со временем Петра I Россия мало изменилась, и все стоит у преддверия в Европу. Россия интересует османца не как страна культурная (журнал „Малюмат“ откровенно говорит, что русские ученые, напр., занимают в Европе второстепенное место), а как страна агрессивной политики, и с этой точки зрения или по контрасту журнал предлагал переводы писаний — пасифистки О. Новиковой („Вечный Мир“, „Малюмат“, № 300) или генерала М. Драгомирова о необходимости войны („Малюмат“, №№ 316 — 319, 323, след.). Позже, к концу первого десятилетия XX века, когда в Турции произошел политический сдвиг, в журнале „Сервет и Фюнун“ (№ 1036) Хайр-Эд-дин Недим в статье „Турция и Россия. История Крымской войны“ заявил: „Мы непременно должны быть с Россией в дружбе или, в крайнем случае, открыто враждовать; двойственная политика несет нам, османцам, гибель“. Младотурецкая революция 1908 года идеально сближает русских и османских революционеров, и Кязим Нами¹⁾ издает в Салониках „Жизнь русской революционерки Веры Фигнер“ (перевод очерка Сарыча). Однако попрежнему настроено общество подозрительно к России, и не изжиты старые обиды. Младотурецкие писатели, националисты-шовинисты: Джеляль Нури („Воспоминания о Севере“), Иззет Мелих („Противоречие“), Ака-Гюндюз („Убийца-Герой“), живут „В мечтах о реванше“²⁾.

Лет тридцать тому назад Исмаил Гаспринский, упрекая „почтенную интеллигенцию“, писал³⁾: „итак, турчанка (поэтесса Нигяр-ханум, ум. в 1918 году) переведила Пушкина, Лермонтова, Крылова, а мы, питомцы русских учебных заведений, не собрались еще что-нибудь перевести для нашего темного люда“⁴⁾. О переводах Нигяр-ханум мне что-то неизвестно; думаю, что имя Нигяр-ханум вкрадлось случайно, вместо Гюльнар-ханум (псевдоним О. С. Лебедевой), действительно, немало потрудившейся для ознакомления османцев с русской литературой. Впоследствии все-таки татарско-кавказская интеллигенция, эмигрировавшая или живавшая в Турции, переводами и статьями распространяла сведения о русской литературе⁵⁾. Совсем уже недавно Ахмед Агаев (Ага-оглу) поместил в иллюстрированном жур-

¹⁾ M. Hartmann, Dichter der neuen Türkei. Berlin, 1919, стр. 55 — 56, также B. Бочкарский, „По „обновленной“ Турции“. „Русская Мысль“, 1910, № 12, стр. 65 — 67, с прим.

²⁾ См. у меня в „Русских Ведомостях“, 1914, № 294; роман „Противоречие“ („Тесадд“) переведен по-немецки Arthur Ertogrul von Würzbach'ом (Laibach, 1917), отзыв M. Hartmann'a в „Der Neue Orient“, Band 2. (1918), стр. 318 — 319.

³⁾ „Переводчик“, 1892, № 6.

⁴⁾ Уже тогда И. Гаспринский был неправ. B. B. Григорьев в статье „Русские стихотворения в турецких переводах“ (Заметка по поводу Пушкинского юбилея), „Берег“, 1880, № 107 указывал на хорошие (рукописные?) переводы крымского армянина Айвазовского (басен Крылова и песни А. Вельтмана) и караима И. Эрака („Талисман“ и отрывки из „Бахчисарайского фонтана“ А. Пушкина, изд. литогр. в Петербурге в 1868 году).

⁵⁾ См. также O. Hachtmann, стр. 22.

нале „Иени Меджмua“ (т. IV) статью о Пушкине. Пушкин, относительно, османцам знаком; как курьез, отмечу, что до войны на обложке перевода („93 года“?) В. Гюю был напечатан ошибочно портрет Пушкина ¹⁾). Как отклик на столетие со временем Отечественной войны 1812 года в националистическом журнале „Тюрк Юрdu“ (за 1912 год) напечатан был (Ю. Акчурином?) перевод прозаический „Бородина“ Лермонтова ²⁾). Два стихотворения в прозе Тургенева „Воробей“ и „Нищий“ появились в журнальчике „Ышик“ („Огонек“) ³⁾.

Но главное внимание всегда было сосредоточено на „великом писателе земли русской“ — Льве Толстом ⁴⁾). Рецензенты моих „Очерков“ отметили уже пропуски. Так, в Турции большое распространение получил рассказ „Первый винокур“, изданный в Баку (в 1896 году) С. М. Ганиевым; Т. Менцель указал также ⁵⁾ на перевод Х. Хюсни „Швейцарского Робинзона“ (Константинополь), но мне „Швейцарский Робинзон“ в переделке Льва Толстого неизвестен; возможно, что здесь просто грубый прием, спекулирующий на знаменитом имени. С. М. Шапшал ⁶⁾ отметил еще „Хаджи Мурата“. У О. Хактмана ⁷⁾ названы теперь два перевода А. М. Рефатова (очевидно, зятя И. Гаспринского): „Философия жизни“, „Смысл жизни и счастья“(⁸⁾), „О смерти“. Азербайджанский турок М. Эмин Расуль-зада (впоследствие мусаватист) перевел рассказ „Асаргадон“ (Константинополь). Перевод, впрочем, исполнен вяло и уклоняется от духа османского языка. Как он говорил мне в 1921 году в Москве, — у него приготовлена была для издания и „Исповедь“ Толстого ⁸⁾. Читались ли сочинения Толстого? И насколько велика была популярность Толстого в Турции? Разумеется, спрос был; точно все-таки ответить на эти вопросы трудно, но В. Богучарский, бывший в Константинополе в первые годы после младотурецкой революции, передавал жалобу книгопродавцев, что роман „Воскресенье“ расходился плохо ⁹⁾.

В 1910 году, со смертью Л. Толстого, как выразился нынешний председатель „Турецкого Очага“, Хамдулла Субхи, со сцены ушло резкое противоречие русской действительности, коловшее официальные сферы ¹⁰⁾, и это послужило толчком для выяснения значения его. Оплакивая смерть Толстого, иллюстрированный ежемесячный журнал „Ресимили Китаб“ большую часть 26 ноябряского номера (украшенного цветным портретом Толстого) уделил характеристике его творчества. Опять помогла татарская эмиграция: Юсуф Акчурин, перелистив что оказалось под рукой (главным образом, на основании „Истории новейшей русской литературы“ А. М. Скабичевского, очерка Е. Соловьева-Андреевича), набросал биографию Льва

¹⁾ В. Богучарский, „По „обновленной“ Турции“, „Русская Мысль“, 1910, № 12, стр. 67.

²⁾ Перепечатано А. Самойловичем в „Руководстве для практического изучения османско-турецкого языка“. Петроград. 1917, часть II, вып. I, стр. 15.

³⁾ См. „Восток“, книга 4, стр. 208.

⁴⁾ См. мои заметки: Турки о Толстом („Русские Ведомости“, 1910, № 283), Толстой в Турции („Известия Общества Толстовского Музея“, 1911, № 3 — 5, стр. 116 — 118).

⁵⁾ „Der Islam“. Band IV, стр. 133 — 134.

⁶⁾ „Восточный Сборник“ Общества Русских Ориенталистов, Спб. 1913, I стр. 234.

⁷⁾ Europäische Kultureinflüsse, стр. 29.

⁸⁾ В проверке нуждаются слухи о переводе — „Хозяина и работника“ и „Двух стариков“.

⁹⁾ Указ. статья, стр. 66 — 67.

¹⁰⁾ См. у меня: „Русские Ведомости“, 1910, № 283.

Толстого (растянувшуюся на три нумера) и попутно так высказался об османцах: „Подобно тому как мы покупаем готовый платок, привезенный из-за границы, так и мысли нам выкраивают европейцы; мы, напр., у Фагэ берем готовые мысли о Толстом или поговорим с одним-двумя европейцами, и потом выдаем все это за собственные суждения“. И. Ю. Акчурин попал, что называется, не в бровь, а в глаз. Присяжный литературный критик Раиф Недждет, написавший в журнале „Ресимли Китаб“ (с 25 нумера) большую статью о Толстом, — „Условия счастья человека на земле“, построил разбор сочинений Толстого на французских работах (Фагэ, Леметр и др.).

Теперь Раиф Недждет выпустил отдельной книгой свои критико-литературные статьи — „Хайят и эдебийэ“ („Литературная жизнь“, Константинополь, 1922), и я извлекаю из сборника отзывы его о Толстом (стр. 140—145, 151—162, 323—326). Они не оригинальны, но показательно, под каким углом расценивает русского писателя османец, не столько, конечно, со стороны художественной, сколько этико-философской. Когда заходит речь о художественных вещах Толстого, — возникает иногда даже сомнение, читал ли критик как следует три *chef d'oeuvre* Толстого: „Война и Мир“, „Анна Каренина“ и „Воскресенье“. Превознося „знаменитый роман“ „Воскресенье“, Раиф Недждет неожиданно между произведениями Толстого приводит еще заглавие рассказа „Катя“.

В первой статье Р. Недждет выясняет значение Толстого. „Своими мыслями и произведениями, — говорит он, — Толстой потрясал мир и призывал человечество к возвышенным целям; им вечно могут гордиться, и не только русские, но и все люди, ибо его воодушевляла благородная забота — служить человечеству, служить всеобщему счастью. Светом, сиявшим от произведений, он открывал перед читателем широкие горизонты, и той сравнительной свободе, которая царит в России, страна обязана Л. Толстому и Максиму Горькому. Моралист и философ, он, однако, и художник-психолог, пожалуй, в большей степени, чем знаменитые французские писатели. Глубина мысли соединяется у него с чарующим стилем, и я уверен, — продолжает Р. Недждет, — что если бы мыслители, направляющие духовную жизнь человечества, думали так, как Толстой, — человечество было бы теперь менее угнетено и менее бы стенало“.

Жизнь Толстого прошла в полуевропейской политico-общественной и религиозно-нравственной борьбе. Он боролся все время с насилием и мраком, с глупостью и фанатизмом, со злом цивилизации — ее ложью, лицемерием и грязью. Подобно Руссо, Толстой был убежден в доброй натуре человека, в том, что она только испорчена общественными условиями. Поэтому он неутомимо работал над созданием религии добра. Но на пути к идеалу он пережил ряд внутренних потрясений и кризисов и, разочаровавшись, одно время думал о самоубийстве, но, в конце концов, пришел к мысли, что счастье человек обретает в любви, свободной от ненависти и гордости, — в горячей, беспредельной любви к человечеству. И если бы принятая была концепция Толстого, — облегчилось бы установление между людьми братства, прекратились бы войны, заполнилась бы пропасть, разделяющая бедных и богатых. Он, сердце которого преисполнено было глубоким состраданием к человеку, хотел совершить мировой переворот кротостью и мягкостью. Исповедуя евангельскую философию — непротивление злу, новый руссоист полагал, что первыми условиями для достижения счастья на земле является близость к природе, дающая радость бытия, личный свободный труд, закаляющий тело, семья, простые искренние отношения с людьми, наконец, безболезненная смерть. Отсюда вражда Толстого к городу, который он желал бы разрушить. Переходя, в заключение, к анализу произведений Толстого („Анна Каренина“, „Крейцерова соната“, „Катя“), Раиф Недждет разбирает проблему брака — большой вопрос общественной жизни османцев.

Актуальный интерес приобретают мысли Раифа Недждета, высказанные им в отделе „Через пять лет“, т. е. в 1919 году. Говоря о действии произведений на изменение законов общественной жизни и на взрывы революций, Р. Недждет замечает: „Разве то брожение, которое происходит в России, не есть прямое последствие силы того порывистого гения, имя которому — Толстой? Произведения Толстого — бунтарски-революционны; они подымают общественное чувство, они — человечны, они — мировые. Фотографически отображая жизнь русского народа, они сохраняют национальную самобытность. И какие победоносные полководцы или дипломаты могли так возвысить Россию, как творчество Толстого, Горького, Пушкина или Достоевского“. Однако османец, представитель народа, на голову которого обрушились несчастья мировой войны, Раиф Недждет горестно признает, что „и мировая литература не сумела остановить бойни, нависшей над человечеством, как черное зловещее крыло“...

Так смотрят на Толстого его поклонники в Турции.

В. Гордлевский

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

(Список произведений Л. Толстого, переведенных на османский язык):

„Анна Каренина“ (пер. Р. Неджета и С. Наджи. Константинополь, изд. Хильми, 4 тома).

„Асаргадон“ (пер. М. Эмина Расуль-Задэ. Константинополь, 1327 г. х.).

„Бог правду видит, да не скоро скажет“ [=Страдаец Иван], (пер. Х. Хюсни. Константинополь, 1908 — 1909?).

„Война и Мир“ (пер. Эмина Ламии в газете „Йени Газета“, 1912¹⁾).

„Воскресенье“ (пер. Бекх Тевфика. Константинополь, 1910).

„Ильяс“ [=Ильяс, или истинное счастье] (пер. О. С. Лебедевой).

„Кавказский пленник“ (пер. Х. Хюсни)²⁾.

„Корней Васильев“ (пер. С. Джеляля в журнале „Сервет-и Фюнун“, №№ 1036, 1038).

[„О смерти“] (пер. А. М. Рефатова. Константинополь, 1914).

„Рабство нашего времени“ (пер. М. Эюхи в газете „Игдам“³⁾).

„Семейное счастье“ (пер. О. С. Лебедевой, в газете „Терджиман-и Хакикат“, в 90-х годах прошлого века и отдельно; [=История одного брака] Р. Неджета. Константинополь, изд. Суди, 1911).

„Три смерти“ (пер. В. Гордевского в газете „Танин“, 1911, №№ 1085 — 1089, 1091, 1092).

[„Философия жизни“] (пер. А. М. Рефатова. Константинополь, 1914).

„Хаджи Мурат“.

[„Швейцарский Робинзон“] (пер. Х. Хюсни. Константинополь, 1325 г. х.).

II

(Переводы под вопросом):

„Два старика“.

„Плоды просвещения“ (см. Ю. Битовт, „Граф Л. Толстой в литературе и искусстве“. М. 1903, стр. 286).

„Хозяин и работник“ (там же, переводчицей указана О. С. Лебедева).

„Что такое искусство?“

В. Г.

¹⁾ Очевидно, переведены были отрывки или извлечения.

²⁾ В одной брошюре с рассказом „Бог правду видит“...

³⁾ В извлечении.